

му наполягали на необхідності погоджуватися на пропозиції міністерства з організації спільних публічних лекцій. Дається взнаки критичність інтелігенції до дій влади, яка в свою чергу з підозрою ставилася до суспільства, а тому неодноразово забороняє публікувати оголошення про прийом пожертвувань на організацію даної справи.

Громадянське суспільство Російської імперії в найактивнішій своїй частині для реалізації ініційованої ідеї доступності наукових знань жінкам у щоденній практиці використовує як традиційні форми роботи (приватні пожертви, організація благодійних концертів та свят для збору коштів), так і народжує нові (безкоштовне надання приміщень та обладнання в користування курсам, відмова професорів від платні для їх життєдіяльності, повна господарська самостійність жінок-розпорядниць). Наслідком стає відкриття Аларчинських та Володимирських курсів у Санкт-Петербурзі, лекції на останніх відвідував особисто міністр Д. Толстой як приватна особа, та Луб'янських у Москві.

Історичною заслугою перших курсів, що відкрилися на кінці 1860-початку 1870 рр., вважають примирення влади і суспільства з ідеєю вищої дівочої освіти. Позитивною практикою є і перший досвід самоуправління на них, що довів неабиякі організаторські та адміністративні можливості жіноцтва.

Однак боротьба за повноцінну вищу освіту тривала. Послідовність дамських прагнень до наукових знань у формі активної еміграції за кордон, найперше в Швейцарію, стала для влади не тільки подразнюючим чинником через острах поширення серед них революційних ідей, а і опосередкованим засобом тиску на неї. Перемогу здобуло суспільство: імперський уряд циркуляром 1875 р. зобов'язувався надати можливість жіноцтву отримувати вищу освіту в Росії. Наслідком стає дозвіл на відкриття вищих жіночих курсів (ВЖК) в університетських містах. Діяли вони на тих засадах і з тими програмами, які організатори справи намічали ще у кінці 1860-х рр.

Болючою проблемою на новостворених ВЖК стає матеріальна незабезпеченість багатьох дівчат, що жадали вищої освіти. Проте небайдує суспільство не розгубилося, відреагувавши створенням спеціальних товариств, що отримало значний резонанс у публіцистиці. Одночасно, громадськість, що самостійно несла тягар організації та утримання ВЖК, висловлює критику в бік влади щодо поганої поінформованості суспільства зі станом справ у цій сфері, надмірної бюрократизації та жорсткого адміністративного контролю.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМ ЗАПАДА И КУЛЬТУРА ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТАТУСА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Климов А.Г.

г. Москва, Россия

В современной истории действительная роль интеллигенции в историческом процессе была выявлена еще в период европейского Просвещения, хотя сама проблема ее значения в социокультурной динамике и в политическом процессе уже была обозначена у Платона, в определении отношения государства к философам. Поэтому исследование современного положения интеллигенции в историческом процессе, в первую очередь, должно ориентироваться на выявление своеобразия эффектов влияния интеллигенции на различные стороны исторического процесса в современных условиях и на различие инновационного содержания от уже проявившихся характеристик интеллигенции как социокультурного феномена. Причем, целесообразно разводит характеристики существенные, конституирующие ее в качестве социокультурного феномена, и традиционные, закрепившиеся в конкретных условиях институционального становления общества и генезиса его культуры.

Определение роли интеллигенции в историческом процессе было тесно связано с построением ее дефиниций в поле социальной теории и социологии. Интеллектуализм западной культуры сформировался как институализация социальной критики в отношении социального порядка и аксиологического компонента социокультурной реальности в послевоенный период во второй половине XX века. Эта институализация осуществлялась в двух областях – социально-философском дискурсе и эстетике (от авангардных форм «перформанса», до эргономических разработок в дизайне повседневности) – в дальнейшем составившим пространство содержания и поле социокультурной активности интеллектуализма. В советском социокультурном пространстве процессы формирования интеллектуализма были восприняты движением культуры шестидесятников, в пределах которого и осуществлялась его адаптация и развитие в специфике идеологического дискурса и многофакторной специфики советской культуры¹.

Политические, социальные и культурные (ценностные и смысловые) метаморфозы, вызванные реформаторским импульсом 80-90-х гг., выявили новые качества интеллигенции как социального образования, не только изменив ее положение в структуре общества, интенсивно трансформировавшейся во всех «культурно-политических зонах» постсоветских государств, но и способствовали проявлению ряда ее инновационных качеств, которые в прежних исследованиях (французская, английская, немецкая, американская школы исследования индустриального, постиндустриального и постмодернистского общества и выработанные в их рамках экономические, социологические и культурные модели)

К ним относятся: прогнозирование, порождение смыслов – характеристики, производные от существ-

¹ Башилов Б. Деятельность масонства в эпоху возникновения ордена русской интеллигенции.
<http://www.vbooks.ru/AUTHORS/BASHILOV-BORIS/001857.html>

венного определения интеллигенции как социальной группы, занимающейся духовным производством в узком смысле, и функции критической оценки социального управления (манифестирующая А. Туреном, и обоснованная П. Бурдые в его представлениях о порождающем значении человеческого капитала) и регламентации информационного поля, выделяемые в соответствии с условиями постмодерной изменением содержания социальной коммуникации в информационном обществе.

В постсоветском пространстве противопоставление интеллектуализма и интеллигенции как различие ориентированных на позитивистский рационализм и на социальный этос форм духовного производства усугублялось тем, что культура шестидесятников, выступавшая носителем либерально-демократических ценностей в советский период, служила каналом трансляции западного интеллектуализма феномена культуры. Но интеллектуализм в Европе был ограничен институциональными барьерами социальной структуры (он выступал в этом отношении как одно из направлений специализированной культуры). А интеллигенция в постсоветский период, пытаясь транслоировать продуктивное содержание культуры шестидесятников, оказалась в маргинальном положении, поскольку институционально все «шестидесятничество» представляло собой, в официальном измерении, контр- или вне-культурное образование.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН, ТРАДИЦИЯ, СИМВОЛ

Кропотова Н.В.

г. Симферополь. Украина

Понятие интеллигенции широко используется в разнообразных научных дискурсах социологическом, историческом, культурологическом, этическом, политологическом. В каждом случае это понятие находится в соответствующих семантических системах («семантических полях»), зачастую слабо пересекающихся или даже не пересекающихся вовсе. Так, в рамках этического дискурса, понятие интеллигенции определяется через широкий набор эмпирических свойств-качеств, чаще всего интеллектуальных и нравственных («интеллигентность»), приобретает ярко выраженную ценностную окраску (например, в дихотомии «настоящая интеллигенция» – «образованщина»). В историческом дискурсе оно наполняется конкретно-историческим содержанием как специфический феномен («российская интеллигенция конца XIX – начала XX веков»). В философском – делается акцент на идеологической миссии интеллигенции в обществе, обладании ею неким «сакральным» знанием и эталонными образцами поведения.

Термин «интеллигенция» как общегуманитарное понятие обладает множественностью интерпретационных возможностей, поэтому любое его использование в научных текстах с необходимостью предполагает определение если не полного содержания, то хотя бы основных смыслов и границ применения, а также указание на то, в рамках какой системы понятий оно функционирует в данном тексте.

Многоаспектность, многозначность, а, следовательно, неоднозначность критериев этого понятия создает определенные трудности при его практическом использовании в конкретных, например, социологических, исследованиях.

Традиция советской социологии трактует интеллигенцию как совокупность работников умственного труда (с разделением на сферы деятельности: инженерно-технические работники, работники образования, здравоохранения, творческая интеллигенция и др.), а ее численный рост – как проявление тенденций «стирания граней» между умственным и физическим трудом. Попытки использовать этот подход к «транзитному» (переходному) обществу и тем более к обществу постиндустриальному, в котором численность образованного слоя возрастает взрывообразно, зачастую приводят социологов к выводам об упряднении интеллигенции как особого слоя, интеллигенция объявляется ими раздробленной реальностью, распавшимся целым. Действительно, социальная стратификация общества по таким базовым критериям, как формы производства, формы собственности, формы управления, отношение к труду и др. не позволяют выявить, отграничить, определить контуры интеллигенции как единой социальной группы (в этих типах стратификационных систем интеллигенция как социальный феномен просто «неуловима»). Операциональная неэффективность, нетехнологичность понятия интеллигенции заставляет часть социологов полностью отказаться от него и перейти к более узким, взаимодополняющим, рядом положенным понятиям – специалисты, профессионалы, интеллектуалы, менеджеры и др. Здесь следует напомнить, что в системах западной социологии понятие интеллигенции вообще не используется. Такова судьба многих общенаучных понятий, плюрализм интерпретаций которых объективно сужает сферу их практического применения в качестве строгих научных терминов, научное сознание диверсифицирует их в ряд более узких понятий, обладающих большей однозначностью, точностью и эффективностью в конкретных научных исследованиях.

Утилитарный социологический подход позволяет зафиксировать громадный количественный рост в постиндустриальном обществе социальных групп, занимающихся интеллектуальным трудом, но не предоставляет инструментов для выявления их функциональной роли в общественном механизме, хотя, по сути, сам этот рост есть выражение бурного развития потребности общества в деятельности интеллектуалов. Столь острая социальная потребность в интеллектуальном труде не может быть сведена исключительно к экономическим аспектам: очевидно, что социогуманитарная деятельность образует смысловое ядро актуальных процессов; постиндустриальное общество функционирует на базе социогуманитарных технологий, которые широко используются для обоснования и оправдания институциональных основ общественного строя, их легитимации, для кодирования и программирования сознания масс.

В постиндустриальном обществе сложилась и продолжает активно развиваться профессиональная сфера современного символического производства – специальный труд по производству «обобществленного»